

БРАЙАН МАСТЕРС

УБИЙСТВО
РАДИ
КОМПАНИИ

ИСТОРИЯ

СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

ДЕННИСА НИЛЬСЕНА

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-94+343.9
ББК 84(4Вел)-44+67.5
М32

Brian Masters
KILLING FOR COMPANY
Copyright © 1985 Brian Masters

Мастерс, Брайан.

М32 Убийство ради компании : история серийного убийцы Денниса Нильсена / Брайан Мастерс ; [перевод с английского А. В. Сергеевой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с. — (Ток. True Crime Story. Главный документальный триллер года).

ISBN 978-5-04-120304-7

В феврале 1983 года у жильцов лондонского дома на Масвелл-Хилл засорилась канализация. Приехавший сантехник обнаружил в подвале ужасную находку — месиво из человеческой плоти и костей. На следующий день по подозрению в убийстве был арестован один из жильцов по имени Деннис Нильсен. «Мы говорим об одном теле или о двух?» — спросил его полицейский. — «Пятнадцать или шестнадцать, начиная с 1978 года. Я все расскажу. Вы не представляете, как здорово с кем-то об этом поговорить», — ответил Нильсен.

Крайне редко убийца говорит о себе так честно и исчерпывающе: его архив — беспрецедентный документ в истории уголовных убийств, настолько он подробен, полон мрачных фантазий и шокирующих подробностей. Уникальный материал, лежащий в основе книги — свыше 50 томов личных дневников, стихов и рисунков, — показывает образ мышления маньяка, дает ему высказаться от первого лица. Невероятно психологичная и шокирующая, книга погружает во внутренний мир убийцы, который наряду с писателем пытается понять, что привело его к точке невозврата.

УДК 821.111-94+343.9
ББК 84(4Вел)-44+67.5

© Сергеева А.В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-120304-7

*Посвящается Хуану Мелиану
и Берил Брейнбридж,
а также Дэвиду Ральфу Мартину.*

Теперь я знаю, что виноват и должен
быть наказан.

Что бы суд ни решил, я определенно
этого заслуживаю.

*Д. Э. Нильсен,
13 апреля 1983 года*

Предисловие к переизданию от 2017 года

Больше тридцати лет прошло с суда над Деннисом Нильсеном в 1983 году и с издания этой книги двумя годами позже. С самого начала он казался мне непостижимо порочным человеком (помню, одна женщина в рядах присяжных смотрела на него с явным недоверием, не в силах увязать в голове образ бюрократа на скамейке подсудимого и рассказ о его преступлениях): его обвиняли в шести убийствах и двух попытках убийства. Обвинений могло быть больше, если бы человеческие останки не превратились в пепел и не смешались с землей и личности других погибших удалось бы установить. 4 ноября присяжные с перевесом десять к двум вынесли вердикт, признав Нильсена виновным по всем убийствам и одной попытке убийства — по другой попытке к согласию они так и не пришли. Судья Крум-Джонсон приговорил Нильсена к пожизненному заключению, с рекомендацией не менее двадцати пяти лет срока. Гораздо позже в Министерстве внутренних дел было принято политическое решение никогда не выпускать его на свободу.

Мое собственное участие в деле началось почти сразу же после ареста Нильсена. Как и все остальные, я прочитал об этом в утренней газете, и особенно мое внимание привлекло замешательство полиции во время его допроса. Все их изна-

чальные доказательства против него были предоставлены им самим в течение нескольких дней допроса. Им не пришлось выманывать у него информацию хитростью: он попросту не прекращал говорить. Они выбрали дружелюбный подход, поставляя ему сигареты и слушая его неустанные признания. Стало ясно, что кто-то должен написать о его преступлениях и суде над ним, и я подумал, что, возможно, я мог бы попробовать: все его жертвы были мужчинами, и могла потребоваться гомосексуальная чувствительность, чтобы докопаться до источника его расстройства. У меня не имелось опыта в подобных делах, поскольку предыдущие мои книги касались французской литературы и истории аристократии. Но я написал Нильсену, пока он ожидал суда в тюрьме Брикстон (наивно не зная, что так нельзя), сказав в письме, что буду рад возможности проанализировать его случай, но не стану этого делать без его сотрудничества. Это правда: простой пересказ событий лишь по описаниям таблоидов не имел бы смысла. Первое полученное от него письмо начиналось довольно тревожно: *«Дорогой мистер Мастерс, я возлагаю бремя моей жизни на ваши плечи»*.

За этим последовали восемь месяцев переписки. По меньшей мере трижды в неделю я получал от него письмо, написанное мелким почерком на тюремной бумаге для заметок, что демонстрировало его желание не тратить лишнего пространства, и, предположительно, эти письма одобряла сперва тюремная цензура. Мои ответы ему носили более свободный и успокаивающий характер. Кроме того, каждые несколько недель мне приходило разрешение на визит, позволявшее мне посещать большую комнату, где все заключенные собирались для часовой встречи с друзьями и родными. Мы с Нильсеном садились напротив друг друга за квадратный деревянный стол, на котором стояла пепельница. Я заметил, что другие заключенные приветствовали его без всякой враждебности или страха: он помогал им сочинять письма домой. Пока длился суд,

в конце каждого дня меня отводили в его подземную камеру. И, наконец, он исписал пятьдесят тюремных тетрадей своими размышлениями — не только о своих преступлениях, но также о политике, литературе, о своем детстве и армии, об упреках в сторону организации современного общества. Зная, что всегда есть риск попадания этих записей не в те руки, он поместил в них одну ледящую душу историю, столь претенциозную, что она, по его замыслу, наверняка пришлось бы по вкусу редакторам желтой прессы. Но эта история никуда так и не просочилась.

Разумеется, весь этот эксклюзивный доступ нес с собой и дополнительную ответственность. Во-первых, это касалось непредвзятого изложения правды. С вопросом виновности разбираются судьи и присяжные, писатель же имеет дело с интерпретацией фактов. Я начал работать над этой книгой задолго до суда, используя предоставленные Нильсеном материалы и полицейские архивы, и очень скоро понял, что ответственность моя лежит и перед читателями. Важно было избегать слишком субъективных прилагательных («отталкивающий», «отвратительный», «ужасающий» и так далее), потому что моя работа — не в том, чтобы склонить читателей к определенному мнению. Я должен был рассказать, что случилось, а уж читатели сами добавят к этому собственные суждения. Я лишь исполнял роль записывающего устройства, а не оценивал рассказанное с точки зрения моральной нравственности. Нильсен и сам говорил про себя: *«Я обычный человек, судьба которого приняла неожиданный поворот»*. Прочтя его историю, читатели сами решат, прав был Нильсен или нет. Даже он сам говорил порой, что озадачен всем произошедшим. По его словам, он надеялся, что *я сам* смогу рассказать ему, что именно с ним случилось. И действительно, частично в мои обязанности входило объяснить все как можно лучше.

Скрытая опасность такого сотрудничества заключалась в том, что я мог невольно стать его сообщником — многие

полагали, что это неизбежно. Естественно, я таковым не стал, потому что полностью осознавал этот риск и очень быстро научился избегать слов, которые можно использовать против меня. Моя цель была не в том, чтобы «понять убийцу» (что можно счесть за сочувствие ему), скорее я должен был «понять, что случилось и почему» — такая формулировка звучит более безопасно и нейтрально. Разница здесь кажется незначительной, но она важна, если необходимо избежать чужих обвинений.

Другое слово, от которого я решил отказаться, — это слово «злой». Это оккультное слово, не имеющее точного или измеримого значения, которое часто является просто отговоркой, чтобы не раздумывать над предметом разговора слишком долго. По сути, оно означает попросту «я не знаю» и, следовательно, не должно входить в лексикон писателя. Я был искренне потрясен, услышав это слово из уст судьбы в его кратком резюмировании судебного процесса: подобное оценочное суждение заслуживает цензуры.

И все же какие-то слова мне пришлось найти, чтобы объяснить загадку моральной деградации Нильсена. В одной из наших с ним бесед я сказал ему: рассуждая логически, я понимаю, что способен убить человека, хотя и надеюсь, что этого никогда не произойдет. В конце концов, в сражении это практически обязательное условие, в гневе — это постоянный риск. Но я никак не мог себе представить, что после убийства он мог спокойно расчленять трупы, разрезать их на куски и смывать их в унитаз. Его реакция последовала незамедлительно и несколько меня встревожила. *«Что-то не так с вашей моралью, если вас больше беспокоит мой способ избавления от тел, чем сами убийства, — сказал он. — Для меня гораздо худшим преступлением является выдавить из человека жизнь: труп — всего лишь вещь, он не может чувствовать боль и страдать. Ваш моральный компас сломан».* Это заставило меня задуматься. Разумеется, определенная логика в его словах есть.

Но Нильсен не видел, *не чувствовал*, что люди — это нечто большее, они создания с воображением, которое позволяет им — или скорее *побуждает их* — чтить и уважать то, что когда-то было вместилищем жизни. Для него же такая концепция казалась совершенно чужеродной.

С тем же безразличием к эмоциональной подоплеке своих действий и слов он однажды сказал мне: *«Знаете, вы бы удивились, какой тяжелой может быть человеческая голова, если поднять ее за волосы»*. Этот человек был способен приготовить себе утром завтрак, намазать маслом тост и тут же сбавить огонь на конфорке, где стояла кастрюля с варившейся в ней головой его последней жертвы. И прежде чем пойти гулять с собакой, после этого он все еще мог спокойно съесть свой тост. В совершенных им убийствах всегда чувствовался отблеск этой моральной смерти: он прекрасно знал, что поступал неправильно, но не понимал, почему это *важно*, почему люди реагировали на его поступки так бурно.

Чуть менее очевидным проявлением его эмоциональной отстраненности было то, что он не осознавал, какие страдания причинит его матери рассказ о его преступлениях, просочившийся в прессу. За неделю до суда я отправился в Шотландию, чтобы навестить ее и подготовить ее к бедствию, которое в ближайшие пару дней обрушится на ее скромный дом. Опыт вышел довольно болезненный, хотя она сделала все возможное, чтобы создать уютную атмосферу — приготовила для меня роскошный ужин и сплетничала о том, как в детстве Деннис заботился о своих ручных птицах. Пропасть между матерью и сыном меня поразила.

На суде психиатры сцепились из-за противоречащих друг другу определений. Одни говорили, что Нильсен страдал от «расстройства личности», не объясняя при этом, что могло изначально его «расстроить». Если бы на суд пригласили священника, он бы заявил, что причина кроется в «происках дьявола» — снова оккультное, но отнюдь не исчерпывающее объяснение.

Нильсен сказал мне, что его удивляет такой интерес публики к его мрачному делу и то, как много об этом говорили, хотя и с осуждением. Меня тоже часто обвиняли в излишней «заинтересованности» — это слово я также предпочел не использовать. Интерес подразумевает отказ от размышлений: вы словно позволяете нежелательным эмоциям запечатлеться в памяти. У меня же хватает и своих воспоминаний, и добавлять к ним лишний груз я не собирался. Полиция, что необычно, согласилась показать мне сделанные ими фотографии. В их коробке хранилось больше ста фотографий — каждая из них еще более неприятная, чем предыдущая. Мне велели сказать «стоп», когда с меня будет достаточно. Я просмотрел около двенадцати и больше не смог. Эти фотографии никогда не стереть из моей памяти, и в старости, вероятно, они будут являться мне в кошмарах.

Оглядываясь назад, теперь я понимаю, что именно парадоксы и противоречия беспокоили меня в этом деле больше всего. Я больше не верю в утверждение Нильсена, что, мол, он и сам не знал, что именно заставило его стать убийцей. Теперь я думаю, что он наслаждался процессом и получал от него удовольствие. *Почему* он наслаждался подобными вещами — вопрос другой. Отсутствие у него морали не является достаточным объяснением. И все же, когда я обнаружил письмо арендодателям по поводу засора в канализации, я немедленно узнал характерный почерк Нильсена. Сантехники пришли и нашли в канализации человеческие останки. Убийца сам организовал свой арест.

На протяжении почти десяти лет после его приговора я продолжал раз в два месяца навещать его в тюрьме. За это меня не единожды упрекали. Делал я это по очень простой причине: он открыл мне свои воспоминания и свою душу, предоставив мне материал для написания этой книги. Я не мог после этого просто сказать: «Спасибо, но теперь ты сам по себе». Суд решил его судьбу, я же остался верен своей.

Пролог

Во многом эту книгу было очень тяжело писать, и, без сомнений, некоторые сочтут ее весьма неприятной для чтения. Деннис Эндрю Нильсен, чья жизнь началась совершенно обыденно в рыбацкой деревушке в Шотландии, в возрасте тридцати семи лет сознался в добровольном убийстве пятнадцати человек — это рекордное количество жертв для серийного убийцы во всей криминальной истории Британии. В этой книге я пытался рассказать о том, как такая катастрофа могла произойти.

Суд уже разобрался с Нильсеном, приговорив его к пожизненному заключению. В этом мало утешения для родственников погибших, которые теперь вынуждены будут до конца жизни задаваться вопросом: почему их сыновей убили, не дав им даже шанса противостоять жизненным трудностям по-своему? Неужели только для того, чтобы утолить нездоровые потребности незнакомца, который, как постановил суд, даже не был безумен? Учитывая это, никакой моральной двусмысленности в его преступлениях быть не может.

Подробно изучив жизнь и поведение Нильсена, его эмоции и мысли, мы можем попытаться хотя бы частично приоткрыть завесу этого темного и загадочного аспекта человеческого разума. Во всяком случае, именно в этом заключается моя цель. Любая неверная интерпретация фактов здесь будет полностью на моей совести.

Описывая биографию Нильсена, я постарался создать его портрет как личности еще до того, как он встал на путь преступлений, в надежде, что кто-нибудь сможет вычлени из него ключевые детали его жизни, которые могут указывать на скрытый внутренний конфликт. Поскольку биограф должен выбирать, что именно включать в книгу, я решил особо подчеркнуть эти «ключевые детали», которые в свое время остались незамеченными или казались неважными, но приобрели важность в ретроспективе. Только в главах 6 и 7 я перехожу к рассказу о самих убийствах и об избавлении от тел. Затем идет глава о поведении Нильсена в тюрьме Брикстон в ожидании суда, рассказ о самом суде в здании Олд-Бейли и последняя глава, в которой предлагаются различные возможные объяснения этой ужасной трагедии с психиатрической, философской и теологической точек зрения. В заключение я привожу собственное любительское объяснение.

Я старался не возмущаться и не оправдывать его и, несмотря ни на что, оставаться объективным. Я осознаю, что такая цель труднодостижима из-за двух аспектов. Во-первых, я очень хорошо узнал Нильсена за восемь месяцев до его суда, и личный контакт вполне мог неизбежно повлиять на мое к нему отношение; я могу только надеяться, что, зная об этой опасности заранее, я сумел ее избежать. Во-вторых, мой рассказ о жизни Нильсена по большей части основан на его собственных словах и размышлениях, записанных для меня во всех подробностях в его тюремной камере. При любой возможности я старался подтверждать рассказанное им из других источников информации, и в книге есть довольно большие части (например, главы 2 и 10), которые никак не связаны с записями самого Нильсена. Кроме того, несмотря на полную и подробную информацию с его стороны, он не контролировал итоговый текст, так что я мог свободно отбрасывать какие-то фрагменты, расширять их, оценивать их со своей точки зрения и делать собственные выводы.

Сотрудничество Нильсена, я думаю, было скорее преимуществом, чем ограничением. Весьма необычно для убийцы говорить о себе так откровенно и подробно. В девятнадцатом веке Ласнер¹ поделился кое-какими откровениями о своих мотивах на бумаге. Дюссельдорфский садист, Петер Кюртен², открыто говорил с доктором Карлом Бергом в 1929 году, и записи их бесед также появились в небольшой книге. Позже американский убийца Тед Банди размышлял о своих преступлениях (хотя и продолжал настаивать на своей невиновности) перед двумя журналистами. Относительно недавно Флора Рета Шрайбер подробно изучила дело Джозефа Каллингера³ в своей книге «Обувщик». Но Нильсен был первым убийцей, предоставившим утомительно детальный архив своих собственных размышлений. Его тюремные дневники являются уникальным документом в истории криминального убийства и позволяют нам заглянуть в разум преступника. Он знает, что некоторые его откровения настолько честные, что могут вызывать ужас, но стоит задуматься: смогли бы мы без этих откровений когда-нибудь определить, что за силы столь чудовищно исказили его эмоциональное восприятие окружающего мира? А если мы не можем определить этого, то нам остается лишь горький вывод: любой человек становится убийцей лишь случайно.

Множество людей помогли мне в работе над этой книгой, и всем им я выражаю свою благодарность. Мать Ден-

---

¹ Пьер-Франсуа Ласнер (1803–1836) — французский поэт, вор и убийца. Получил известность также благодаря написанным в заключении стихам и мемуарам, где он пытался изобразить себя как «жертву общества». (Прим. ред.)

² Петер Кюртен (1883–1931) — немецкий серийный убийца, совершивший девять только доказанных жестоких убийств и признавшийся в совершении 69 убийств. (Прим. ред.)

³ Джозеф Каллингер (1935–1996) — американский серийный убийца, который лишил жизни трех человек и подверг пыткам четыре семьи. Эти преступления он совершил со своим 12-летним сыном Майклом. (Прим. ред.)